

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ

г. Мурманск

ПЛАМЯ ЕГО КУШОДОВ

(Воскресенский собор в Коле)

ЭПОХА ЭВЕРЛАКОВА

*Сгорел Собор Парижской Богоматери,
собраны деньги на его восстановление...*

*Сгорела Успенская церковь в городе
Кондопоге, руины законсервированы...*

*Церкви на Севере горели и раньше,
простые храмы и шедевры
древнерусской деревянной архитектуры.*

*К их числу относится
и Воскресенский собор в городе Коле,
нынешнем районном
центре Мурманской области.*

*Он не просто сгорел, случайно
или по умыслу от рук психопата,
а был расстрелян вражескими ядрами.*

*Ныне ему исполнилось бы 335 лет.
Стоял бы до настоящего времени,
был крепок стенами, как стоит
с того времени Успенская церковь
в селе Варзуге Мурманской области...*

Деревянный многоглавый Воскресенский собор XVII века был выдающимся архитектурным сооружением на Крайнем Севере, в столице Русской Лапландии – Коле, окружённой острожной крепостной стеной и башнями. Он состоял из трёх соединенных церквей. Главным центральным являлся храм Воскресения Христова. Лицом он был направлен на восток, на Водяную башню Кольской крепости. С северной стороны примыкал придел Святого Великомученика Георгия, с южной – придел Святого Николая Чудотворца. Был постарше знаменитого Преображенского собора в Кижях 1714 года постройки, мощнее и суровее на вид. На каждой церкви имелся куб с пятью главами, ещё четыре главы – на прирубках, по одной главе на каждую сторону света: с запада и востока – на «бочках», с южной и северной сторон – на «четвериках». Всего 19 глав. Ещё две главки были на двух крыльцах, но в литературе их упоминали редко. С западной стороны храм подковой охватывала общая крытая галерея с оконцами на наклонных подклетьях, в которой можно было пройти во все три церкви.

Размеры собора впечатляли путешественни-

ков, все отмечали его монументальность, многоглавость, крепость стен, сложенных из толстых сосновых бревен. Собор имел форму креста, высоту центральной части 38,3 метра («18 сажень трёхаршинных»). Георгиевский и Никольский приделы, несколько принижённые, были похожи на крылья, что, несмотря на кажущуюся суровость храма, придавало ему воздушность, торжественность. Устремлённые в небо многочисленные купола вдохновляли людей, крепили религиозные чувства, веру в Бога и зависимость от него.

Хорошая сохранность собора ко дню своей гибели в августе 1854 года объяснялась тем, что была «холодной», «студёной», то есть не отапливаемой печами. Известно, дерево хорошо сохраняется в сухости и холоде. В описи 1819 года говорится: «Стенами крепкий, но крышкою приходит к ветхости».

В 1822 году «крышку» отремонтировали на пожертвования кольского купца Алексея Попова. В 1834 году при активном участии священника Ивана Дьяконова храм ещё раз ремонтировали «по случаю колебания престола и повреждения помостов». Отремонтировали полы и крышу над папертью. В январе 1835 года в Колу приезжал архиепископ Георгий, глава Архангельской и Холмогорской епархии, 25-го числа вторично освятил храм.

В центральной части имелся пятиярусный богатый иконостас, украшенный золотом, серебром, жемчугом и резьбой. В каждом ярусе имелось по 25 икон. По описи имущества 1711 года выделялась богато украшенная огромная храмовая икона Вознесения Христа размером 160 на 140 сантиметров. Богатые иконостасы имелись также в придельных церквах святых Георгия и Николая.

Кольский лесничий Константин Соловцов вспоминал, что на месте сгоревшего собора «в куче золы и обгорелых остатков найдена запрестольная икона Божьей Матери, оставшаяся совершенно невредимой». Затем реликвия якобы находилась в Троицкой церкви на Монастырском острове. Это одна из легенд, коими была богата Кольская земля.

С восточной стороны Воскресенского собора на квадратном срубе стояла шестиугольная колокольня с шатровым верхом, с пятью колоколами весом 75, 20, 4, 2 и 1 пуд. Из-за ветхости была разобрана в начале XIX века.

Начинали служить в Воскресенском соборе с Великой субботы, накануне Пасхи, и заканчивали в конце августа, на день Успения Богородицы. Однако знаменательные государственные события, например восшествие на престол, военные победы, отмечали богослужением независимо от

времени года. В остальное время богослужение велось в тёплой церкви Спаса Всемилового с трапезою, стоявшей западнее собора, а с начала XIX века в новой каменной Благовещенской церкви, имевшей отапливаемый придел Алексия, Человека Божия.

Первым настоятелем Воскресенского собора, возможно, был Алексей Симонов, священник соседней Спасской церкви, затем были священники Иуда, Пётр Трифионов, Иван Шабунин, Иван Фёдоровский.

О Шабунине в 1769 году нелестно отзывался астроном Степан Яковлевич Румовский в письме архангельскому губернатору Е. А. Головцыну как о соучастнике ссоры с ним и полемике зрительной трубы Доллонда. Академик Румовский в то время в Коле наблюдал явление Венеры в Солнце.

В XIX веке настоятелями храма были люди, оставившие о себе добрую память:

1795 – 1812 – Василий Ивановский;

1812 – 1838 – Иван Дьяконов;

1839 – 1851 – Матвей Поликин;

1852 – 1854 – Алексей Алексеевский.

Идея такого грандиозного сооружения имела какие-то основания. Кольский острог был городом порубежным. В последнюю четверть XVI и в первую четверть века XVII здесь кипели немалые политические страсти, дипломатией и оружием между русским царским двором и датско-шведскими королями решался Лапландский вопрос – кому должна принадлежать Кольская земля?

Царь Иван Грозный (1530-1584) был твёрд в северных вопросах – ввёл в Коле в 1582 году воеводское правление, укрепил её острогом, артиллерией и отрядом стрельцов. Борис Годунов был также последовательным защитником интересов России на Севере и в Сибири. После вступления на престол в 1598 году, принимая датских послов, пришедших к царю с древней книгой историка Саксона Грамматика, ответил: «Нечего доказывать принадлежность Лапландии Норвегии ссылками на историков. Историки много пишут, но не всегда передают истину. Свидетельство живых людей имеет гораздо большее значение».

На протяжении веков Колу посещали иностранные торговцы, мореплаватели, с начала весны начинался наплыв на Мурманский берег рыбаков из Поморья. Кола была военным, политическим, хозяйственным центром огромной территории, куда входила и северная часть Карелии, была столицей Русской Лапландии. А столица должна иметь яркое «православное лицо». Существующий одноглавый соборный храм Всемилового Спаса не удовлетворял запросы и вкусы кольско-

го духовенства, воевод, жителей. Они ревниво отнеслись к постройке в Варзуге в 1674 году красивейшего Успенского храма высотой 34 метра, шедевра поморской архитектуры, сотворённого мастером Климентом.

Воскресенский собор начали строить в 1681 году, закончили через три года, освятили в 1685 году с участием архиепископа Афанасия из Холмогор. Лес для стройки имелся рядом. В XVII веке за Кольским острогом нежилое пространство в юго-западном направлении до реки Туломы называлось Поле. Там было первое кольское кладбище и рос лес. По словам гидрографа М.Ф.Рейнеке, работавшего в Коле в 1826 году, именно из этого леса построен собор. Добротный сосновый лес имелся и выше по берегам Туломы. В начале XVIII века он использовался для обновления стен и башен Кольской крепости. Заготавливался лес зимой, сплавлялся в весеннюю пору. На строительстве собора были задействованы московские стрельцы из полка Юрия Лутохина, сосланные в Колу в 1676 году за отказ принять церковные новшества. Строили и солонецкие монахи, преследуемые за раскол, за сопротивление реформам Никона.

Неясно, на какие средства велось строительство, на чьё «иждивение» – государственное или народное. Как правило, жители сами нанимали мастеров и плотников, а затем содержали культовые строения.

В феврале 1681 года стольник Василий Иванович Эверлаков принял Кольский острог у воеводы Павла Григорьевича Чирикова.

Эверлаков происхождением – из немцев. Был воеводой в городе Уржуме в Вятской земле. В 1677 году получил звание стольника – пятая ступень в придворной чиновничьей иерархии. Умер в 1705 году. Был ли он инициатором закладки Воскресенского собора? Храмозданная надпись на соборе с лицевой стороны гласила, что строился по благословию патриарха Иоакима и архиепископа Афанасия, главы Холмогорской и Важеской епархии, учреждённой в марте 1682 года. Конечно же, Эверлаков содействовал стройке. Покидая Север в 1683 году, он пожертвовал потир (сосуд для причастия) для нового храма.

Эверлаков приехал в Колу с указом царя Фёдора Алексеевича о миссионерской деятельности. В документе говорилось: «В Кольском остроге и уезде иноверцев и идолопоклонников призывать во благочестивую нашу православную христианскую веру». Подобная бумага уже приходила воеводе Чирикову. То, что повеление исходило от государя, а не от патриарха, говорило о политической подоплёке.

В то время кольские священники выезжали в тундру примерно раз в год вместе со сборщиками дани. Большинство лопарей почитали новую и старую веру – поклонялись Христу и языческим богам, камням-сейдам, деревьям, воде, приносили в жертву оленей, рыбу, хлеб. При притеснении русских чиновников уходили за рубеж, в Немецкие земли, то есть подвластные датским и шведским королям. В том указе говорилось, чтобы лопарей не принуждали к крещению силой, действовали «с любовью и приветом».

В половине ноября 1681 года, когда реки и озёра встали, Эверлаков снарядил миссионерский отряд в лице священника соборной Спасской церкви Алексея Симонова и жителя кольского посада Фёдора Сулова. Миссионеры в течение зимы посетили следующие лопарские погосты: на востоке и юге – Вороненский, Семиостровский, Ловозерский, Масельский, Екостровский, Бабинский, на западе – Нотозерский, Сонгельский, Пазрецкий, Нявдемский. Миссионеры зачитывали царский указ, а потом выслушивали лопарей. Те признавались в жертвоприношениях, пообещали отказаться от них, вырубали священные деревья, святые камни разрушили («те свои богомерзские жертвища все разорили и впредь обещались тех своих злых мерзостей не творить»). Почти во всех погостах, кроме Пазрецкого, тогда же поставили часовни, всего – 8. В Нявдемском погосте поставили позднее, а у пазрецких лопарей имелась церковь Бориса и Глеба, построенная благоверным Трифоном ещё в середине XVI века. Все лопарские часовни записали в ведение Воскресенского собора.

Удивительно, но часовня ловозерских лопарей сохранилась до сих пор. В 2011 году её случайно обнаружили в тундре охотники в зарослях березняка в районе озера Лявозера. Благодаря хлопотам местных краеведов она укрыта защитным куполом.

Следует вспомнить ещё об одном событии из эпохи Эверлакова. В феврале 1682 года воевода по доносу местного священнослужителя Григорьева завёл дело на ссыльных стрельцов Ивана Самсонова, Прокопия Ледуношников, Мартына Васильева за то, что живут в разбойном сговоре, крестятся по-раскольничьи двумя перстами, а троеперстие называют «антихристовой печатью». В ходе разбирательства покаялся только Самсонов. Остальных, называя еретиками, постановили сжечь на костре. Однако с попустительства Эверлакова подсудимые сбежали. Взяв запас продуктов, ушли в верховья Туломы. Осенью 1683 года Эверлакова сменил воевода Зот Поло-

зов. Он привлёк к ответственности крестьянку Мавру, жену беглого Васильева. Она была тоже в расколе, своим духовным отцом почитала протопопа Аввакума, казнённого в Пустозёрске. Несмотря на допросы с пристрастием, пытки, она не отрёклась от «богохульных слов», была приговорена Зотовым к костру. 29 января 1684 года непокорную Мавру сожгли на крепостной площади по соседству с новым, ещё не освящённым Воскресенским собором.

ЛЕГЕНДА О СТРОИТЕЛЕ

Мы не знаем имя зодчего и строителя Воскресенского собора. Человека талантливого, не из местных. Существовала поморская легенда об этом мастере. Сохранилась благодаря писателю-народнику Сергею Васильевичу Максимову, записавшему легенду сразу же после сожжения Колы англичанами.

«И теперь родины-то нашей, Колы-то жаль, надо говорить правду. Очень жаль! Пуще того жаль собора нашего, такой-то он был приглядной, хорошой, таким-то благолепием сиял, особенно вон с горы Соловараки – всё отдай, да мало. Очень его жаль!

– Ну да ладно, стану я сказывать теперь тебе про мастера, что строил собор-от наш: мастер этот был не из наших, построил он много церквей на Поморью-то, затем и нашу. И вот в Нюхче увидишь похожую, в Колежме – только раз в пять меньше те будут. Церкви он строил почесть что задаром, говорил: меня-де только без денег домой не пушайте, я-де Богу работаю, мзды большой не приемлю. Так построил он в Шунге церковь; позвали к нам в Колу, согласился, пришёл и к нам и у нас работал, и у нас соорудил церковь, вывел её, значит, до глав. Довёл до глав и идёт к старосте:

– Я, – говорит, – главы буду выводить два месяца, когда весь ваш народ, – говорит, – с промыслов домой придёт, тогда-де и кресты поставим.

– Да не долго ли? – говорит староста-то, святой человек, – чай, и скорей можно!

– Нет, – говорит, – скорей нельзя.

– Ну-де как знаешь!

– Я, – говорит, – не с тем сказал-то и пришёл к тебе. Ты, – говорит, – надо мной не ломайся, потому как я мастер и для Бога работаю, а не для ваших бород. У меня-де и своя таковая-то есть.

Подивился тут староста-то, подивился, ни с чего-де человек в сердце вошёл, а он и сказывает:

– Ты, – говорит, – на всю ту пору мне по кубку

вина утром, в полдень и вечером клади, без того-де и работать не станем.

Староста стал торговаться с ним: на двух кубках порешили, чтобы поутру-де не пить. Так он таял да таял и главы стаял, и народ с промыслов стал собираться. Опять пришёл мастер к старосте, опять сказывает:

– Не надо, – говорит, – мне вина твоего, а через неделю повести народ, чтобы собрался, – средний крест ставить стану, так чтобы при всех это дело было. Я, – говорит, – так и батюшек-попов повестил.

– Ладно, – сказывают, – будет по-твоему.

Осталось три дня, церковь готова, и крест у церкви прислонен стоит – бери, значит, и ставь.

– Не пора ли-де? – спрашивают.

– Нет, – говорит, – сказал в воскресенье, так – так и будет.

Глядят: сидит мастер на горе против собора, плачет, утром сидит, в полдень сидит, вечером сидит и всё плачет... Обедать зовут – ругается, спать зовут – пинается, а сам всё на собор-от на свой смотрит и всё плачет. Сидит он эдак-то и на другой день и другую ночь, и плачет уж – всхлипывает. Ребятёнки собрались, смеются над ним – не трогает, не гоняет. В субботу только к вечеру сходил и опять сел на гору и просидел всю ночь. В воскресенье после обедни только вина попросил да хлеба с солью на закуску. Народ собрался весь, и стар и мал и удал; лопари, слышь, наехали из самых дальних погостов. Все его ждут. Приходит хмурой такой, нерадостной, и хоть бы те, слышь, капля слезинки. Ждут, что будет. Молебен отпели, староста с шапкой мастера обошёл народ, накидали денег много в его, мастерову, значит, пользу по обычаем. Полез он с крестом на верёвке, уладил его, повозился там, стал у подножия-то – кланяется. Народ ухнул, закричал ему: «Бог тебе в помощь. Божья, мол, над тобой милость святая!» Всё как быть надо. Стал слезать – народ замолчал, слез – ждёт народ, что будет, не расходится.

– К вам, – говорит, – православные, слово и дело. Пойдём, – говорит, – на реку на Тулому вашу. Там, – говорит, – я с вами говорить буду.

Народ испугался на первых-то порах, да видят лицо его кроткое такое, светлое: поверили, пошли, смотрят. Подошёл он к крутому берегу, вытащил из-за пояса своего топор свой, размахнулся, бросил его в воду и выкрикнул:

– Не было такого мастера на свете, нет и не будет!

Сказал слова эти, бросился в толпу; побежали за ним, кто догадался, на квартиру пришёл. Целый день не ел, всё ревел, благим матом ревел,

да потом оправился, и денюжки взял, и в своё место ушёл.

С той поры, сказывают старики, сколько ни было ему зазывов, поклонов низких, просьб почестных, никуда не пошёл, топора не брал в руки. Лет с десятков жил после того и пил, мёртвую пил, слышь, и помер».

Возможно, эта легенда родилась не на Кольской земле, а донеслась из Поморья, из Карелии. Там тоже существовала подобная легенда о строителе многоглавой Преображенской церкви в Кижском погосте, там мастер Нестор бросил топор в Онежское озеро, не надеясь больше сотворить лучше подобного.

На Руси ходили легенды и об иных мастерах.

«И спросил благодетель:

«А можете ль сделать пригожей, Благолепнее этого храма, другой, говорю?»

И, потрянув волосами, ответили зодчие: «Можем! Прикажи, государь!»

И ударились в ноги царю.

И тогда государь повелел ослепить этих зодчих, Чтоб в земле его церковь стояла одна такова, Чтобы в суздальских землях

И в землях рязанских и прочих

Не поставили лучшего храма, чем храм Покрова!»

Так блестяще поэтически передал легенду о слепых мастерах поэт Дмитрий Кедрин в поэме «Зодчие».

Индивидуальность, талант кольского мастера-зодчего выразились в композиционном строе, многоплановости, монументальности Воскресенского собора. Подобного храма не было ни на Севере, ни в других землях. Если шатровую Успенскую церковь в Варзуге сравнивали с похожей церковью в селе Коломенское под Москвой, летней резиденцией московских правителей, то здесь сравнить не с чем. Разве что возникают ассоциации с кубоватой Вознесенской церковью из села Кушерека Онежского района в Беломорье, сооружённой в 1669 году. Это высокий и стройный четырёхстенный сруб, завершающийся кубом с пятью главками на тонких чешуйчатых ножках. Подобных, стройных и высоких пятиглавых церквей в Кольском соборе было сразу три, соединённых в одно целое! В 1970 году церковь в Кушереке перевезли на территорию историко-архитектурного музея «Малые Корелы» под Архангельском.

Онежский край славился кубоватыми церквями, с разным количеством глав – одной, пятью, девятью. Из интересующего нас того времени, из второй половины XVII века, отметим церковь Рождества Богородицы в селе Бережная Дуброва, увенчанную девятью главами на огромном поста-

менте-четверике, завершающем четырёхстенный сруб. Это редкая композиция. К традиционному пятиглавию добавлено ещё четыре главы.

Многоглавием и красотой славились более поздние шедевры. Это церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Анхимово близ города Вытегра Вологодской области, искусствоведы называли её Вытегорской. 25 глав на восьмерике, к которому со всех сторон пристроены прирубы, каждый прируб покрыт «бочками» с главками. Построена церковь в 1708 году, сгорела по недосмотру в 1963 году. К счастью, сохранились фотографии, обмеры, планы реконструкции, произведённые архитектором А.В.Ополовниковым. По ним церковь восстановили, точнее – заново построили, на территории паркового комплекса «Усадьба Богословка» близ Санкт-Петербурга под присмотром Е.А.Ополовниковой, дочери реставратора. Освящена была на день Покрова 14 октября 2008 года.

* * *

В 1714 году в Кижском погосте на месте сгоревшей от молнии церкви воздвигли деревянную жемчужину Севера – 22-главую Преображенскую церковь. Высота примерно, как в Коле и Бережной Дуброве, 37 метров. Удивительное создание! Увенчана куполами, как новогодняя ёлка игрушками. Во многом благодаря своему островному положению на Онежском озере и вниманию прихожан она сохранилась. Ополовников считал, что Вытегорская и Преображенская церкви построены одной артелью мастеров. А начинался ли их творческий путь в Коле – большой вопрос.

Привлекала исследователей в кольском храме крытая галерея-паперть с оконцами, охватывающая западную сторону от северного крыльца до южного. Имела внутренний переход во все церкви. Галерея опиралась на наклонные вовнутрь стены-подклети, отчего собор казался воздушным, приподнятым над землёй. Академик архитектуры Геннадий Яковлевич Мокеев, отмечая округлость галереи, писал: «Кольский собор стал походить на «корабль», как бы отражая изначальный, древнейший символ Ноева ковчега. А все люди, сгрудившиеся на таком «корабле», плывут в будущее даже не по «житейскому морю», а по бурному грозному Ледовитому океану, возле самой северной границы христианского мира».

Собственное архитектурное видение самого Мокеева заслуживает внимания, как и его книга «Тройное солнце Лапландии», где автор крити-

чески рассмотрел существующие рисунки и реконструкции Воскресенского собора, попытался выявить символику его сложных форм, предложил свои варианты. В храме он увидел символ благодатного Рая, согревающего поморов на берегах «студёного моря-окияна». А в самой конструкции верхней части он подметил изменение – кокошники на шатрах. В XVIII веке, судя по рисунку того времени, кокошники были на кубах. Стало быть, Воскресенский собор изначально был трёхкубовым храмом. Изменения, видимо, произошли при ремонте в начале двадцатых годов XIX века.

Немаловажную роль в северной архитектуре играли рельеф, природа, особенности местности, что влияло на выбор места для будущего строительства. Исстари церкви ставились на высоких открытых участках, чтоб видны были издали, чтоб гармонировали с окружающей средой, соседними строениями. У кольского мастера выбора не было, место для собора – это скромное пространство, ограниченное стенами Кольской крепости, где общая длина городских стен равнялась 510 метрам. Наибольшая стена, обращённая к реке Коле, была длиной 150 метров.

Внутри крепости на небольшом пятчке площадью 1,6 гектара к исходу XVII века размещались Спасская церковь с приделом Благовещения, колокольня, воеводский дом, казённые склады, амбары, тюрьма, ряд жилых и общественных построек. Место для будущего собора выбирали всем миром: между Спасской церковью и северной крепостной стеной, лицом к Кольско-Печенгскому монастырю, что находился за рекой Колгой.

А каким быть храму – решал мастер-зодчий. Он исходил из рисунка города-крепости. Высота стен в зависимости от уровня местности была около 7,5 метра, высота трёхъярусных рубленых шестериком башен – около 15-17 метров. Собор, по задумке мастера, должен быть вдвое выше самых высоких строений, чтоб виден был издали, из Кольского залива и с западной стороны реки Туломы. Чтобы видом своим, величием перекликался с крепостными стенами и башнями, чтобы соответствовал единому образу строгой архитектуры Кольского острога.

ГЕРОСТРАТЫ ИЗ ЛОНДОНА

Кола на протяжении веков была в сфере различных военных конфликтов – с датчанами, шведами, англичанами. Она выстояла, мы благодарны её защитникам, что ныне есть Мурманская

область Российской Федерации, а не датская или шведская провинция.

В 1853 году началась Крымская (Восточная) война. 22 февраля 1854 года в связи с угрозой англо-французского нападения в Архангельской губернии, куда входил Кольский уезд, объявили военное положение. Кола к тому времени уже не называлась Кольским острогом, не являлась крепостью, была безоружной, уязвимой, имела только инвалидная команда из старослужащих с ружьями. Всю артиллерию и сопутствующий арсенал по указанию Москвы вывезли в Соловецкий монастырь ещё в конце XVIII века.

Кола могла стать лёгкой добычей неприятелю, о чём городничий Г. Е. Шишелов сообщил архангельскому военному губернатору Р.П.Бойлю (англичанину по происхождению), просил роту стрелков и 8 орудий. Вместо пушек Бойль прислал капитана А.И.Пушкарёва и 100 кремниевых ружей, 2 пуда пороха, 6 пудов свинца. Горожане нашли два старинных повреждённых орудия и планировали установить их для предупреждения неприятеля, что Кола вооружена и готова сражаться. Пушкарёв вскоре выбыл из строя, повздорил с рядовым инвалидной команды, выбил ему зуб, за что солдат дважды ударил ножом своего командира.

Организатором обороны стал лейтенант флота Андрей Мартынович Бруннер (1824–1880). В июле он инспектировал Соловецкий монастырь, выдержавший осаду англичан, заезжал в беломорские селения. В Колу добрался 5 августа, где после обстоятельной разведки местности наметил основные опорные точки на случай нападения противника. Одну пушку Бруннер забраковал, вторую, рассчитанную на стрельбу шестифунтовыми ядрами, установил в устье Туломы, около соляного склада. Осмотрел мыс Елов, где предполагал устроить окоп для стрелков. 8 августа там началось строительство бруствера. А на следующий день в Кольском заливе заметили неприятельский корабль. Это было трехмачтовое 16-пушечное судно «Миранда» с экипажем 175 человек под командованием Эдмунда Лайонса. Имело паруса и паровую машину. В литературе корабль квалифицируется как «корвет», «шлюп», «пароход-фрегат».

В этот день и на следующий матросы на шлюпках делали промеры, отмечали фарватер бакенами. К исходу 10 августа «Миранда» заякорилась в устье Туломы напротив мыса, где находились соляной склад и часовня Трифона. От борта отчалила шлюпка под белым флагом с офицером и переводчиком поляком Ловичем. На полпути анг-

лийских парламентариев встретил на лодке Григорий Немчинов, которому было передано, что капитан желает переговорить с кем-либо из городских властей. На встречу поехал лейтенант Бруннер в штатской одежде, выдавая себя за секретаря городничего. Он получил письменный ультиматум на английском языке. В нём содержались требования «немедленной и безусловной сдачи укреплений, гарнизона и города Колы со всеми снарядами, орудиями и амуницией и всеми какими бы то ни было предметами, принадлежащими российскому правительству». Лайонс обещал, что сам город и частная собственность будут сохранены. Бруннер ответил, что уполномочен жителями города дать решительный отказ.

На рассвете 11 августа (23 августа по новому стилю) началась корабельная пальба. На Колу посыпались ядра, бомбы, начинённые горючим веществом. Загорелись склады, амбары, жилые дома, стены и башни старинного острога. Одно- и двухэтажные здания стояли близко друг от друга, скученно. Воскресенский собор представлял собой прекрасную мишень – всё это деревянное чудо вскоре было охвачено пламенем. Древнее орудие колян выстрелило один раз, было сбито со станка, дуло повреждено.

В седьмом часу утра капитан Лайонс высадил десант. Шестьдесят вооружённых матросов сошли на Монастырский остров. Его защитники из-за начавшегося прилива перебрались на городскую сторону реки Колы и оттуда вели ружейный огонь. Англичане подожгли на острове несколько строений и отступили к шлюпкам. На повторную высадку не решились.

Вечером пальба прекратилась. Почти вся Кола выгорела. За 20 часов бомбардировки сгорели две церкви, часовня преподобного Трифона, казённые магазины (соляной, хлебный, винный склады), 92 жилых дома. В пепел превратился 19-главый Воскресенский собор, в огне завершили свой исторический путь стены и башни Кольского острога – замечательного памятника северного оборонного зодчества. От каменного Благовещенского собора остались только стены. Через 13 лет собор усилиями колян был восстановлен в несколько ином виде и сейчас служит на радость прихожанам. Уцелели жилые дома только в Верховье, в старину – это Верхний посад. Там же избежала огня часовня Всемилютского Спаса. На следующий день, 12 августа, англичане перед отплытием пытались бомбить Верховье, единственный занявшийся огнём дом, где размещались присутственные места, спасли служивые инвалидной команды.

* * *

В 1887 году в Коле побывала этнограф Вера Харузина. Она отметила рядом с восстановленной Благовещенской церковью памятный крест с дощечкой, на которой описана гибель в пожаре прежнего Воскресенского собора. Здесь же хранилось на постаменте шестифунтовое орудие кольских защитников. Ныне оно находится в экспозиции Мурманского областного краеведческого музея.

История обороны и сожжения Колы неплохо освещена в литературе, недавно вернулся к этому событию краевед из Таганрога А. В. Смирнов. Он рассмотрел его в череде боевых действий шлюпа «Miranda» на южном театре Крымской войны, в череде бомбардировок его родного Таганрога 3 июня 1855 года и Севастополя именно этим кораблём.

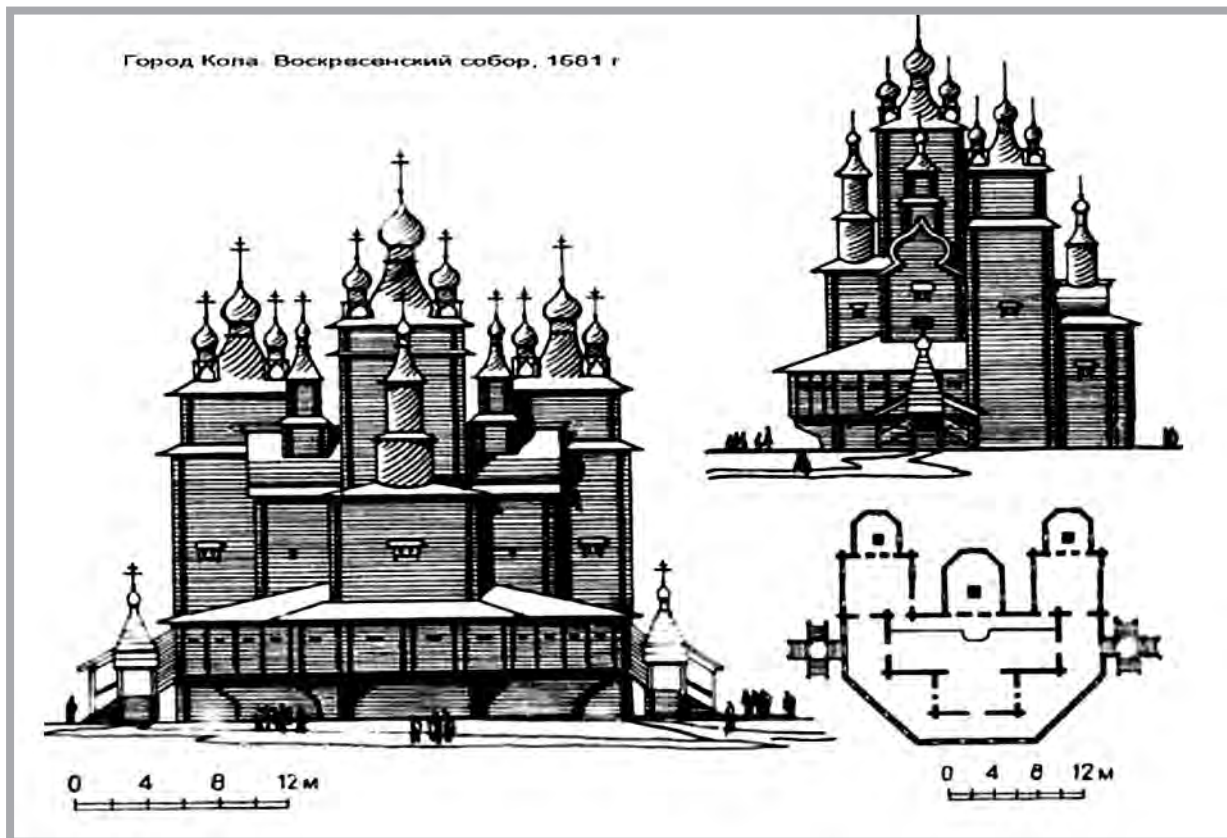
Капитан Эдмунд Лайонс отметился и в южных баталиях. В том году он являлся командующим легкой эскадрой на Азовском море. На южных берегах англичане грабили и сжигали дома в Бердянске, Геническе, Таганроге. В захваченной Керчи в музее взламывали мраморные полы, раскапывали гору Мидридат в поисках сокровищ понтийских царей.

Завершив разбой в Азовском море, «Миранда» участвовала в бомбардировке Севастополя. Здесь Эдмунд Лайонс погиб, настигла его кара Всевышнего за Воскресенский собор. Русское ядро разнесло капитанский мостик, тяжело ранило командира. Через шесть дней (21 июня 1855 года) Лайонс в мучениях скончался от гангрены. Благодаря хлопотам отца-адмирала, который в то время командовал соединением на Чёрном море, прах сына похоронили в склепе Святого Павла в Лондоне, рядом с такими выдающимися британскими военачальниками, как Нельсон и Веллингтон.

Таганрогский краевед Смирнов в военно-морском альманахе «Гангут» назвал свою статью «Крест для Герострата», проводя параллель с древним греком, уничтожившим в родном городе храм Артемиды, одно из семи чудес света, и экипажем «Миранды», уничтожившим поморское архитектурное чудо – храм Воскресения Христова в Коле.

РИСУНОК ЖУКОВСКОГО

Интерес к многоглавому деревянному шедевру в Коле проявился сразу же после его гибели и справедливо до сих пор не угасает среди искусствоведов и краеведов.

Ещё до нападения английского парохода-фрегата «Миранда» в августе 1854 года коляне, предчувствуя беду, заранее вывезли уездный архив и казну вверх по реке Туломе. После пожара отправили в Кемь, куда вскоре переехали и кольские чиновники. Среди бумаг сохранились два рисунка – южный фасад и план собора. Весной 1856 года в Кемь, проездом на Мурман, останавливался писатель-народник Сергей Васильевич Максимов. Коллежский регистратор Александр Кириллович Шешенин, служивший ранее в Коле учителем, нарисовал западный фасад сгоревшего Воскресенского собора и передал писателю, а рисунок южной стороны и план, наклеенные на один лист бумаги, по его рекомендации отправил в Санкт-Петербург в Археологическое общество, предварительно изложив на нём историю храма.

Академик архитектуры Андрей Тимофеевич Жуковский, член различных обществ, в том числе и Археологического, по рисунку Шешенина изготовил более совершенное изображение Воскресенского собора, вскоре оно появилось в печати. В 1858 году в двух номерах журнала «Иллюстрация» С.В.Максимов напечатал статью «Кола» и рисунок

Жуковского – западный фасад собора. Именно этот рисунок стал основой для последующих реконструкций храма и публикаций. Первым перерисовал Жуковского польский художник-иллюстратор В. Дмоховский, в 1881 году его рисунок появился в иллюстрированном издании «Живописная Россия», затем неоднократно перепечатывался.

Два других рисунка (южный фасад и план) Жуковский, отметив их старину, опубликовал уже сам в небольшой статье «Воскресенский собор XVII века» в трудах Археологического общества. Он писал:

«Ещё не так давно пожар истребил одну из деревянных церквей замечательной архитектуры. Это Воскресенский собор в Коле Архангельской губернии, сожжённый в 1854 году англичанами. Рисунки этого собора уцелели и были доставлены мне С. В. Максимовым, недавно посещавшим северный край России. Прилагаемые здесь чертежи собора сделаны мною в уменьшенном против оригинала размере.

Рисунок первый представляет фасад с южной стороны; с северной стороны имеет подобный же вид. Вышина церковных башен замечательна, из них средняя около 17 сажень. Всех глав 20, вклю-

чая в число их и те, которые над входными крыльцами. По приложенному к рисункам масштабу легко определить размеры всех частей собора.

Рисунок второй представляет план собора».

В июле 1886 года, путешествуя по Скандинавии и Северу России, в Коле побывал архитектор Владимир Васильевич Суслов с товарищем, также академиком архитектуры П.А.Черкасовым. Они осмотрели место, где когда-то стоял собор. Суслов писал: «Собор этот, судя по сохранившимся очертаниям фундамента, состоял из главного и двух боковых приделов. Главный имел по плану вид креста и окружался широкой галереей, из которой проходили и в приделы. Входы были расположены с северной и южной сторон в виде широких крылец. Длина храма по северо-южному направлению простиралась до 18 сажен, а ширина от востока к западу до 10 сажен. Наружный вид собора, судя по формам и размерам основания его, а также по дошедшему до нас рисунку и рассказам жителей, был чрезвычайно величественный и необыкновенно красивый».

Таким образом, согласно измерениям Сулова, размер собора с севера на юг всех его трёх церквей составлял 38 метров, с востока на запад в поперечнике – 21 метр. При высоте – 38 метров! Это действительно было громадное сооружение из дерева, срубленное только топором.

В старой литературе есть описания и упоминания о Воскресенском соборе в Коле. Путешествовавший по Северу В.П.Верещагин в 1849 году дал такое описание храма: «Огромный собор построен из чрезвычайно толстых брёвен. Над главной церковью, над приделами её и алтарями возвышаются девятнадцать массивных, крытых чешуёю глав, которые придают всему храму прекрасную пирамидальность. На восточной стороне церкви, под кровлею, прибита доска, на которой славянскими буквами записана история основания храма... Несмотря на свою древность, собор не требует никаких поправок; стены его, обращённые на север и на запад, сохранили свою свежесть, и только южная стена, более подверженная действию солнца, покрылась темноватым цветом».

Советский ученый В.В.Косточкин в обстоятельной статье о кольских крепостных сооружениях назвал иное число глав: «Достигавший высоты более 36 метров сложный и живописный храм с его многоярусной, расчлененной композицией и 18 главами был главным зданием кольского крепостного ансамбля».

Мурманский архитектор Николай Петрович Быстряков по материалам Косточкина в 1961 году для Мурманского областного краеведческого му-

зея сделал реконструкцию деревянной крепости Колы и сотворил макет Воскресенского собора с 18 главами. Он стал первым в череде мастеров, обращавшихся к кольскому шедевру, после него макеты с разным количеством глав строили К.К.Наполов из Мурманска (1978), В.А.Миланов из посёлка Верхнетуломский (2009), В.И.Бахарев из Москвы (2014). Рисунки Быстрякова крепости и отдельных башен использовал историк И. Ф. Ушаков в своих первых краеведческих книгах. Он же, скрупулезный и дотошный в любом исследовании, пытался разобраться, почему 18, а не 19 глав? Предположил, что в ходе ремонта в 1834 году одну из глав с восточной стороны, над алтарем церкви Воскресения, могли убрать.

При ремонте Воскресенского собора в XIX веке никаких глав не убрали. Но какие-то изменения, что подметил архитектор Мокеев, возможно, на крыше произвели. Отсутствие главы было бы отражено в описях имущества, которые велись регулярно. В первой описи 1711 года, составленной воеводой А. В. Матушкиным, говорится: «А те все церкви и олтари покрыты чешуёю. А на тех церквях девятнадцать глав». В последней «Описи имущества Кольского Воскресенского собора и приписных к нему церквей и часовен» за 1853/1854 год, составленной священником Алексеем Алексеевским, сказано: «Кольский Воскресенский собор в одной связи с двумя приделами, деревянный, холодный, с одной стороны окружающий папертью; длина оному с олтарём и папертью 10 сажен, вышины 18 сажен 3-х аршинных, на коих 19 чешуйчатых глав с крестами деревянными...»

Верно называемое число глав в литературе произошло с подачи Жуковского, сообщившего, что всего глав 18 и ещё две на крыльцах. На его рисунке изображена западная сторона храма и на нём 18 глав: по 5 на каждой церкви и ещё 3 на прирубках. Жуковский не видел лицевой восточной стороны храма, где есть четвёртая прирубная глава. «Лица» этого нет на вывезенных учителем Шешениным рисунках, но есть на панорамном рисунке города Колы 1797 года. Там видна неучтённая 19-я глава.

Существует ещё рисунок Колы художника из команды английского парохода-фрегата «Миранда», сотворённый в день бомбардировки 11/23 августа 1854 года. Опубликован осенью того же года в журнале «Иллюстрированные лондонские новости», через два года напечатан в книге о боевых действиях английского флота у берегов России.

Во время бомбардировки «Миранда» находилась близ нынешнего моста через Тулому, около 500 метров от города. Рисунок, возможно, сделан не с

борта корабля, а с западного берега Кольского залива, ибо на переднем плане изображена «Миранда». Правая часть города – уже в пожаре, задымлена. Левая часть ещё не тронута огнём, постройки хорошо просматриваются – башни и стены старинного острога, Воскресенский собор, каменная Благовещенская церковь, дома в Верховье. В собор уже попал снаряд, одна сторона его выпустила клуб дыма. Рисунок сделан на западный манер, словно это не православный храм из дерева, а готический из камня, однако верх храма, многочисленные главы на тонких шеях переданы верно.

Изобразительное наследие Кольского Воскресенского собора невелико – несколько рисунков да вид панорамы Коля 1797 года. Причём нет уверенности, что спасённые Шешениным рисунки совершенно точно отображают размеры и детали архитектурного облика шедевра. Нет цельного объёмного прижизненного изображения храма центральной восточной стороны. Советский архитектор Пётр Максимов, работая с рисунками, задавался вопросом по отдельным частям храма: то ли это шатёр с четырьмя главами по углам, то ли пятиглавый куб.

* * *

При целеустремлённом поиске возможны находки. В 1727 году в Коле жил француз Делиль де ла Круайер. Астроном, картограф и, по словам некоторых исследователей, шпион, засланный в Россию. Собранные братьями Делилями планы русских городов и карты страны тайно были переправлены во Францию. В 1730–1740-х годах подробные планы города Кольский острог составили чертёжники военного ведомства Алексей Поспелов и Фёдор Неелов. Съёмкой занимались члены полярной экспедиции мореплавателя В.Я.Чичагова, зимовавшие в Коле перед отплытием на Шпицберген в 1766 году. В творческом багаже перечисленных людей могут отыскаться новые рисунки Воскресенского собора.

МУЗЕЙНЫЕ ПЕРИПЕТИИ

В нынешней Коле мало что осталось от старины, берущей начало в первой трети XVI века, когда здесь с благословения новгородского владыки Макария поставлены были первые церкви – Никольская и Благовещенская. Современный каменный Благовещенский храм, сильно пострадав от пожара, был восстановлен в 1867 году. В ту пору здесь путешествовал норвежский языковед и писатель

Йенс Фриис с двоюродным братом Людвигом До и сфотографировал церковь ещё в строительных лесах. Он стал первым фотографом на Кольском полуострове. В тридцатые годы XX века коляне с трудом отстояли здание от воинствующих безбожников из Мурманского окружного комитета, но не уберегли от них кладбищенскую Троицкую церковь 1757 года на Монастырском острове (ныне – улица Каменный остров). Позднее отношение к кольской старине изменилось. В восьмидесятые годы в отремонтированном здании Благовещенской церкви существовал Музей поморского быта и народных промыслов. В двух залах размещались старинные предметы и новоделы. В частности – макет Кольского острога размером 2 на 2 метра мурманчанина К.К.Наполова. Он же изготовил макет Воскресенского собора с 19-ю главами. Во втором зале были собраны этнографические материалы, макет поморской избы с русской печью, домашняя утварь, промысловые снасти, одежда.

* * *

Обылом музея можно много рассказывать и сожалеть. Кольская православная община, образовавшаяся в начале 1990 года во главе с отцом Андреем, просила вернуть им Благовещенскую церковь. 28 сентября 1990 года депутаты Кольского районного Совета поддержали верующих горожан. Они определили переходный период, чтобы согласовать своё решение с областными властями и за это время отремонтировать для музея здание старого Дома культуры.

В феврале 1992 года Благовещенский храм передали Кольской православной общине, через четыре года – вновь образованной Мурманской и Мончегорской епархии, а обещанный Дом культуры... отдали местным кооператорам. Все музейные материалы перевезены в областной музей, кроме древнего креста.

Крест – уникальный экспонат, глубокая древность, гордость колян. Поставлен в Коле 15 июня 1635 года «на поклонение православным христианам», когда ещё не было Воскресенского собора. Чудо, что он уцелел при пожаре вместе с соседствующей Спасской часовой и 18 жильными домами. Веками стоял на берегу старого русла реки Кола. Ещё в начале XIX века жители оборудовали его заборчиком и «сенью», то есть крышей. В советское время он был огорожен металлическим кружевным заборчиком и ступеньками. Вряд ли бы он простоял долго у проезжей дороги – пыль, грязь, выхлопные газы. Достойное место занимает древний крест ныне

в стенах действующей Благовещенской церкви. Может, дождётся, когда в Коле появится свой полнокровный музей, а сейчас есть тесный музейный уголок при городской администрации.

Бывший Дом культуры, обещанный когда-то под музей, уже не вернуть, дельцы перестроили его под рынок. Обещается для музея какое-то строение, надо ремонтировать, дело затягивается, найдутся ли средства?

Жива идея восстановить, заново построить Воскресенский собор, чтобы там размещался и музей. Об этом говорит архитектор Геннадий Мокеев: «Теперь для такого восстановления нет исторических тайн: образ, облик, все архитектурные формы расстрелянного и сожжённого символа Небесного Града Колы достаточно хорошо выяснены. Возродить архитектурное чудо – святыню заполярного Русского Севера – «дело техники и нашего желания».

ЛИТЕРАТУРА

Жуковский А. Кольский Воскресенский собор XVII века/ Известия императорского Археологического общества. – СПб, 1861, т. 2, вып. 1.

Бартенев И., Фёдоров Б. Архитектурные памятники Русского Севера. – Л., – М., 1968.

Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: Хроника событий. – Екатеринбург, 2005.

Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. – М., 1942.

Косточкин В.В. Деревянный «город» Колы/ Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1958, №77.

Максимов С. Кола/ Иллюстрация. – СПб, 1858, т.1, №12, 13.

Максимов С.В. Год на Севере. – Архангельск, 1984.

Мокеев Г. Тройное солнце Лапландии. – М., 2016.

Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков/ Сост. Д.А. Ермолаев, С.А. Никонов. – Мурманск, 2013.

Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. – М., 1998.

Суслов В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. – СПб, 1888.

Смирнов А. В. Крест для «Герострата»/ Гангут. – 2010, №60.

Сорокажердьеv В. Кольский острог – город Колы: Страницы истории. Изд. 3, доп. – Мурманск, 2016.

Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854): Военно-исторический очерк. – Мурманск, 1960.

Фёдоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. – СПб, 2016.

Харузин Н. Русские лопари. – М., 1890 (Приложение 2-е).

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ

родился в городе Кирове.

Окончил Литературный институт им. А.М.Горького.

Автор нескольких поэтических сборников и многих историко-краеведческих книг о Севере.

За книгу «Не вернулись из боя» в 2011 году

стал лауреатом Международной литературной премии им. В. Пикуля.

Стихи печатались в журналах «Молодая гвардия»,

«Наш современник», «Новый мир», «Юность».

Стихи и проза публикуются в «Севере» с 1970 года.

Возглавляет Мурманскую организацию

Союза писателей России.

